

**SIGN-ORIENTED CONTRASTIVE STUDY
OF “FIGURATIVE” TENSE USAGE IN
A PARALLEL CORPUS (BASED ON
“*KOLYMSKIYE RASSKAZY*”
 (“KOLYMA TALES”) BY VARLAM
SHALAMOV AND THE STORY “*SUMKHI*”
BY AMOS OZ)**

Igor Dreer

Ben-Gurion University of the Negev
Be'er-Sheva, Israel

Abstract:

The focus of our study is a comparison of the grammatical meanings of verb tenses in such typologically distant languages as Russian and modern Hebrew. The forms of the past, present, and future tenses make up the category of the indicative mood in both Russian and Hebrew which may indicate a similarity in their grammatical meanings. Discrepancies between the meanings of verb tenses and the real context of their use are systematically observed in both languages. As a result, tenses acquire “figurative” meanings. We suggest overcoming this discrepancy by formulating general (invariant) meanings for each tense, which will underlie all its particular uses, including “figurative” ones. Based on the Columbia School sign-oriented linguistic framework (see Diver, “Theory”; García; Tobin, *Invariance*), we will postulate a common semantic content for the systems of Russian and Hebrew tenses, correlating with the *ego, hic et nunc* (moment of speech) of the speaker (writer) and compare “figurative” uses of tense forms of the indicative mood in our parallel corpus, represented by “*Kolyma Tales*” by Varlam Shalamov and “*Sumkhi*” by Amos Oz, and their literary translations into Hebrew and Russian, respectively.

Keywords:

invariant meanings; tense; Columbia School; Hebrew/Russian and Russian/Hebrew translation

1. Введение

В настоящее время существует особый интерес к переводческим корпусным исследованиям, представляющим семантические эмпирические данные для описания сходств и различий между языками. Говоря в общем, цель литературного перевода заключается в точной передаче художественного смысла исходного текста (далее ИТ) средствами языка перевода (далее ЯП). ИТ на одном языке и его соответствующий перевод на другой язык или текст перевода (далее ТП) формируют параллельный корпус (см. Altenberg and Granger 7–8; Malmkjær 539).

Литературный замысел автора проявляется через выбор грамматических форм, основанных на значениях этих форм в исходном языке (далее ИЯ) и на контекстуальных сообщениях, которые они передают. Иными словами, оставляя в стороне индивидуальный стиль переводчика, по сути, он стремится соотнести две системы, принимая решение в пользу того или иного способа выражения авторского замысла на основе инвентаря грамматических форм и их значений, а также контекстуальных сообщений в ЯП. В связи с этим возникает вопрос, почему автор использует именно эти грамматические формы и почему переводчик переводит их именно так.

Чтобы объяснить использование языковых форм как в ИТ, так и в ТП, необходимо определить концептуальную сущность языка и выделить основные единицы его анализа. Колумбийская школа лингвистики (далее КШЛ), принятая здесь, рассматривает концепт сосюрювского знака, то есть связи означающего и означаемого (см. Saussure 67), в качестве основной аналитической единицы. Учитывая его универсальный или межкультурный характер, такой знаково-ориентированный подход может быть применен к анализу любого перевода (см. Sangster 9). Сказав это, мы должны оговориться, что мы не предполагаем существования языковых универсалий и не утверждаем, что языки различаются просто в своей формальной структуре, используя разные формы для передачи одного и того же значения. Напротив, мы считаем, что каждый язык представляет собой особый взгляд на мир и, следовательно, должен изучаться сам по себе. Тем не менее, факт остается фактом: языки можно сравнивать для выявления их сходств и различий.

В данной работе мы проводим сравнительный анализ

употребления временных форм в русско-ивритском параллельном корпусе, включающем в себя ИТ на обоих языках – русскую оригинальную версию “Колымских рассказов” Варлама Шаламова (*Собрание сочинений*) и ивритскую оригинальную версию повести Амоса Оза (*Oz Sumkhi*), а также ТП на иврит (*Šalamov Sipurei Kolyma*) и русский язык (*Сумхи*) соответственно. Примеры на иврите сопровождаются английским переводом, который выполняет функцию лингва франка, позволяя буквально передать ивритский текст.

Использование параллельных корпусов обосновывается тем, что тексты в них передают эквивалентные сообщения. Это позволяет устанавливать соответствия грамматических категорий между ИЯ и ЯП. Именно на основе этих соответствий можно выявить значение категории времени в обоих языках.

Учитывая это, основной целью нашего исследования является определение степени сходства между значениями категории времени в русском и иврите путем изучения того, как “переносные” употребления временных форм в ИТ передаются в ТП.

2. Категория времени в русском языке и иврите: гипотеза

Вместо создания каталога темпоральных функций, мы предложим альтернативный, ориентированный на знак, анализ употребления времен в русском языке и иврите. Несмотря на принадлежность обоих языков к разным языковым семьям (славянской и семитской соответственно), они делят одни и те же грамматические системы, связанные с восприятием событий¹ говорящим и/или пишущим (далее адресантом) в момент речи и/или письма. Оба языка имеют относительно простые временные системы, включающие прошедшее, настоящее, и будущее время.² Эта аналогия в инвентаре временных форм может предполагать сходство их грамматических значений. Основываясь на инвариантных значениях, постулируемых для каждого времени

¹ Здесь и далее имеется в виду событие в широком смысле, охватывающее действия, процессы, состояния или собственно события в узком смысле.

² В русском языкознании категория времени часто анализируется совместно с категорией вида, выступая контекстуальной рамкой или призмой, через которую проявляется значение вида. Подробнее см. (Forsyth; Князев; Маслов; Падучева; Золотова, “Аспекты изучения”; “Категория времени”; Золотова и др.). Иврит имеет в своем распоряжении перифрастическое (сложное) прошедшее время, состоящее из прошедшего времени вспомогательного глагола-связки *lhiot* ‘быть’ и настоящего времени соответствующего смыслового глагола. За недостатком места мы не рассматриваем здесь эти темы в подробностях, за исключением случаев, когда это необходимо для понимания использования времени в ИТ и ТП.

глагола в двух временных системах, данное межъязыковое исследование рассмотрит примеры “переносного” употребления временных форм в ИТ и ТП в нашем параллельном корпусе.

Следуя подходу Тобина (Tobin “Modern Hebrew Tense”; “Space, Time”; “The ‘Future’ Tense”) к анализу времен в иврите, мы утверждаем, что категория времени глаголов в русском языке и иврите представляет собой семантическое сочетание двух грамматических систем, связанных с пространственно-временнo-экзистенциальным и чувственно-опытным восприятием событий в момент речи и/или написания (Tobin, “The ‘Future’ Tense” 464). Значение или семантическое содержание первой системы связано с обобщением опыта адресанта или группы людей (в представлении адресанта), а именно, *было ли событие пережито, прочувствованно или осознанно адресантом к моменту речи или написания* (см. Tobin, “The ‘Future’ Tense” 467). Тобин (Tobin “Space”; “The ‘Future’ Tense”) называет эту дейктическую систему System of Experience (Система опыта). Мы предлагаем называть ее ‘Системой пережитого опыта’. Полагаем, что и в русском языке, и в иврите данная система имеет два инвариантных значения:

- (a) *Пережитое* означает, что событие было пережито, прочувствовано или осознанно адресантом.
- (b) *Непережитое* означает, что событие не было пережито, прочувствовано или осознанно адресантом.

Таким образом, значение *Пережитое* неизменно связано с морфологией настоящего и прошедшего времени, тогда как значение *Непережитое* связано с морфологией будущего времени в русском языке и иврите. В контексте настоящего времени важно отметить, что значение *Пережитое* охватывает как события, непосредственно отнесенные к моменту речи, так и регулярно или нерегулярно повторяющиеся события, а также общие истины, выходящие за рамки настоящего момента. В случаях, когда настоящее время используется для описания события без его отнесенности к моменту речи, адресант ссылается на свой пережитый опыт, подчеркивая, что данное регулярное или обобщенное событие является актуальным или действительным и в момент речи в силу своей регулярности или обобщенности. То же относится и к использованию прошедшего времени, посредством

которого адресант не указывает на прошедшее событие, а скорее выражает свой пережитый опыт, вне зависимости от того, произошло ли данное событие или нет (см. Sangster 38).

Якобсон (Jakobson, *Russian and Slavic Grammar* 6), говоря о претерите (как он называет прошедшее время) в русском языке, утверждает, что эта форма выражает, по сути, не конкретное время, а лишь разрыв непосредственной связи между субъектом и действием. Бондарко (“Система глагольных времен” 31) в комментариях работы Исаченко утверждает, что значением разобщенности процесса с моментом речи обладают не только форма прошедшего, но и будущего времени, тогда как значение настоящего времени указывает на непосредственную связь между субъектом и выполняемым действием (“Темпоральность” 24). В отличие от прошедшего и будущего времен, можно утверждать, что в значении настоящего времени отсутствует дистанция между обозначаемыми событиями и их восприятием адресантом в момент речи и/или написания. Другими словами, настоящее время подразумевает, что события находятся в пространственной, временной или экзистенциальной близости к адресанту. Учитывая это, мы постулируем вторую систему, с которой сочетается категория времени в русском языке и иврите и которая позволяет отделить настоящее время от прошлого и будущего в обоих языках. Тобин (Tobin, “Space”; “The ‘Future’ Tense”) называет эту систему Space-Time-Existence System (Система Пространства-Времени-Существования), семантическое содержание которой связано с локализацией события относительно его восприятия адресантом в момент речи и/или написания (см. Tobin, “The ‘Future’ Tense” 466). В русском языке и в иврите Система Пространства-Времени-Существования также имеет два инвариантных значения:

- (a) *Близкое* означает, что событие находится в пространственно-временно-экзистенциальной близости к адресанту и связано с морфологией настоящего времени в русском языке и иврите;
- (b) *Удаленное* означает, что событие находится на пространственно-временно-экзистенциальном расстоянии от адресанта и связано с морфологией прошедшего и будущего времени в русском языке и иврите.

Таким образом, основываясь на предложенных сочетаниях грамматических систем, морфология времени в русском языке и иврите может быть представлена следующим образом:

- (а) настоящее время в русском языке и иврите одновременно означает *Пережитое, Близкое*;
- (б) прошедшее время в русском языке и иврите, включая прошедшее совершенное и несовершенное в русском, а также прошедшее и перифрастическое (сложное) прошедшее в иврите одновременно означают *Пережитое, Удаленное*;
- (с) будущее время в русском языке и иврите, включая будущее несовершенное и совершенное в русском, а также непосредственно будущее в иврите одновременно означают *Непережитое, Удаленное*.

Из вышесказанного следует, что использование морфологии времени в обоих языках определяется интерпретацией события адресантом относительно его/ее “здесь и сейчас” в момент речи и/или написания, а не исключительно реальным временем его реализации (хотя использование категории времени часто отражает реальное время события).

3. Коммуникативные стратегии “переносного” употребления категории времени в ИТ и ТП

Содержательное различие в морфологии времени используется как в ИТ, так и в ТП для различных коммуникативных целей, которые обычно называются коммуникативными стратегиями в теории КШЛ (см. Diver, “Theory”; García; Reid, *Verb and noun*). Под коммуникативными стратегиями мы понимаем регулярное, стандартизированное или идиоматическое сочетание конкретного значения с другими значениями для передачи определенных сообщений. Постулирование коммуникативных стратегий представляет собой тенденцию к соответствию и систематическому использованию языковых знаков. Эта тенденция является результатом “давления”, которое социальная группа оказывает на своих членов в направлении стандартизированного использования (Diver, “Theory” 78), что в итоге улучшает общение. Одна из коммуникативных стратегий, заключается в том, что времена глаголов используются для отражения объективных отношений в реальном времени как в ИТ, так и в ТП. Мы проанализируем примеры использования мор-

фологии времени в ИТ и ТП для передачи “переносных” значений, демонстрируя иные коммуникативные стратегии, обусловленные постулированными инвариантными значениями.

3.1 Использование настоящего “исторического”

Пример (1) демонстрирует так называемое стилистическое или эмоционально-экспрессивное использование настоящего времени для описания прошлых событий, как если бы они наблюдались в ‘момент речи’ (Forsyth 150).

- (1) *В тридцать седьмом в Улан-Баторе **идем** мы по улице с товарищем. Время обедать. На углу - китайская столовая. **Заходим. Смотрю** меню: китайские пельмени.* (Шаламов 145)

*bi-shnat shloshim u-sheva, be-ulan-bator; ‘ani **holekh** ‘im khaver be-rekhov. ‘arukhat tsohoraim. ba-pina – mis’ada sinit. **nikhnasim**. ‘ani **bodeq** ‘et ha-tafrit: kisanim siniyim.* (Šalamov 150)

In thirty-seven, in Ulan Bator, I **am walking** with a friend down the street. Lunchtime. On the corner – a Chinese restaurant. We **are entering**. I **am checking** the menu: Chinese dumplings.

Как в ИТ, так и в ТП, настоящее время, означающее *Пережитое*, *Близкое*, используется для наиболее волнующих событий, которые эмоционально затрагивают адресанта и изображаются так, как будто они разворачиваются у нас на глазах.

3.2 Использование настоящего времени для описания будущих событий

В примере (2) настоящее время используется для описания запланированных будущих событий. Значение *Пережитое*, *Близкое* настоящего времени и более широкой контекстной информации позволяет адресанту представить будущее как происходящее в настоящем и, тем самым, выразить уверенность в том, что описываемое событие обязательно произойдет.

- (2) *‘ani **nikhneset** ‘akshav la-mita ve-**mistovevet** la-qir; she-tukhal lehistader beintaim.* (Oz 75)

Я сейчас ложусь и поворачиваюсь к стенке, чтобы ты смог устроиться на ночь. (Оз 54)

I **am getting now** into the bed and **turning** to the wall so you can bed down in the meantime.

3.3 Использование будущего времени для описания событий в настоящем

Будущее время в сочетании с отрицанием и нереферентным субъектом в форме 2 л. ед. ч. может использоваться для выражения невозможности выполнения действия в момент речи, как показано в примере (3).

- (3) *Мы ели в полной темноте - барачные бензинки освещали карточное поле, но, по точным наблюдениям тюремных старожил, ложки мимо рта не пронесешь. (Шаламов 51) [= не можешь пронести]*

'akhalnu be-khashekha mukheletet, be-'od menorot ha-benzin meivot 'et sade miskhaq ha-qlafim, 'akh al-smakh nesyonam ha-meduyak shel vatikei-kele – ha-kaf lo takhti 'et ha-pe. (Šalamov 15) [= lo yekhola lehakhti]

We ate in total darkness, while the gasoline lamps illuminated the card playing field, but based on the precise experience of prison old-timers – the spoon **will not miss** the mouth.

В данном примере импликация событий в настоящем возникает из-за того, что семантика невозможности выполнения действия не предполагает конкретной локализации во времени. Используя будущее время со значением *Непережитое, Удаленное*, адресант допускает повторение подобных событий, подчеркивая их обыденный характер.

3.4 Императивное употребление будущего времени

В русском языке и особенно в иврите будущее время может использоваться для выражения просьб и пожеланий вместо императива, как в примере (4). Императив используется для

побуждения к действию, что актуально для событий, которые еще не произошли. С этой точки зрения, у будущего времени, означающего *Непережитое, Удаленное*, есть семантическое сходство с императивом. Однако, в рамках этой императивной стратегии, будущее время не обладает той же степенью побудительной силы, что императив. Использование будущего времени предпочтительно в тех случаях, когда немедленное или точное выполнение просьбы, приказа или требования не имеет первостепенного значения (см. Tobin, “The ‘Future’ Tense” 476).

- (4) «*После **зайдешь***», — сказал Иван Петрович. — *Направишь. А теперь вот колун... И потом **сложись**, только не в коридоре, а прямо в квартиру тащи.* (Шаламов 147)

“*akhar-kakh tikanēs,*” amar ivan petrovitsh, “*ve-
teyasher et ha-masor. beintayim qakh garzen... kshe-
tesayem, terakez et ha-’etsim le-’arema, ‘aval lo ba-
misdaron – qakh otam yashar la-dira.* (Šalamov 153)

“Then you **will come in**,” said Ivan Petrovich, “and **straighten** the saw. In the meantime, take an axe... When you are done, you **will gather** the wood into a pile but not in the hallway – take it straight to the apartment.”

В иврите предпочтительным выбором для отрицательных просьб или запретов является использование будущего времени, введенного словом ‘*al* (‘не’), как в *примере* (5). В русской литературе аналогичное использование будущего времени считается более характерным для разговорного языка (см. [РГ] 619–620, 634).

- (5) *la-rekhov geula ‘al tered, ki sham mitrotsetsim nehagim britim mi-makhane shneler.* (Oz 22)

На улицу Геула ты не поедешь, там всегда носят британские шоферы из лагеря “Шнеллер”... (Oz 19)

You **will not go down** to Geula Street, because it is too full of the comings and goings of the British drivers from the Schneller Barracks.

В этих сообщениях адресант имеет наименьший контроль над реализацией своего запроса или команды, как указано в работе Тобина (Tobin, “The ‘Future’ Tense” 479). Эта характеристика соответствует постулированному значению будущего времени *Непережитое, Удаленное*.

4. Заключение

Подводя итог, мы показали, что изучение взаимного соответствия переводов на основе знаково-ориентированного подхода КШЛ способствует нашему пониманию даже таких типологически далеких языков, как русский и иврит.

Литература

- Altenberg, B. & Granger, S. Recent trends in cross-linguistic lexical studies. In Altenberg, B. & Granger, S. (Eds.) *Lexis in Contrast. Corpus Based Approaches*. John Benjamins, 2002. Pp. 3–48.
- Diver, W. Theory. In Contini-Morava, E., Goldberg, B. S. & Kirsner, R. S. (Eds.), *Meaning as Explanation: Advances in Linguistic Sign Theory*. Berlin: Walter de Gruyter, 1995. Pp. 43–114.
- Forsyth, J. *A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb*. Cambridge University Press, 1970.
- García, Erica C. *The Role of Theory in Linguistic Analysis: The Spanish Pronoun System*. North Holland, 1975.
- Jakobson, R. *Russian and Slavic Grammar: Studies 1931-1981*. Berlin: Walter de Gruyter, 1984.
- Malmkjær, K. Love thy neighbour: Will parallel corpora endear linguists to translators? *Meta: Translators' Journal*, vol. 43(4). Pp. 534–541. <https://doi.org/10.7202/003545ar>.
- Oz, Amos. *Sumkhi*. Am `Oved, 1978.
- Reid, W. *Verb and noun number in English: A functional explanation*. Longman, 1991.
- Šalamov, Varlam. *Sipurei Kolyma*. Translated by Roy Chen, Yedioth Ahronoth, 2005.
- Sangster, R. B. *Reinventing Structuralism: What Sign Relations Reveal about Consciousness*. De Gruyter Mouton, 2013.
- Saussure, Ferdinand de. *Course in General Linguistics*, edited by Charles Bally, Albert Sechehaye, and Albert Riedlinger. Translated by Roy Harris. Éditions Payot & Rivages, 1916. Duckworth, 1983.
- Tobin, Y. Modern Hebrew Tense: A Study of the Interface of Objective and Subjective Spatio-temporal and Perceptual Deictic Relation. *Temporalsemantik: Beiträge zur Linguistik der Zeitreferenz*, edited by Veronika Ehrich, and Heinz Vater, Niemeyer, 1988. Pp. 52–80.
- Tobin, Y. Space, Time and Point-of-view in the Modern Hebrew Verb. *From Sign to Text: A Semiotic View of Communication*, edited by Yishai Tobin, John Benjamins, 1989. Pp. 61–92.
- Tobin, Y. The ‘Future’ Tense in Modern Hebrew: From Sign to Text. *Folia Linguistica*, vol. XXIV/3–4, 1990b. Pp. 457–512.
- Tobin, Y. *Invariance, Markedness and Distinctive Feature Analysis: A Contrastive Study of Sign Systems in English and Hebrew*. John

- Benjamins, 1995.
- [РГ]. *Русская грамматика*, под ред. Наталия Юльевна Шведова. Т. 1. Наука, 1980.
- Бондарко, А.В. Система глагольных времен в современном русском языке. *Вопросы языкознания*, 3, 1962, С. 27–37.
- Бондарко, А.В. Темпоральность. *Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность*, под ред. Александр Владимирович Бондарко, Наука, 1990, С. 5–58.
- Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., и Сидорова. М. Ю. *Коммуникативная грамматика русского языка*. Российская Академия Наук, Институт Русского Языка им. В. В. Виноградова, 2004.
- Золотова, Г.А. Аспекты изучения категории глагольного времени. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, Т. 34(3), 1975, С. 248–258.
- Золотова, Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста. *Вопросы языкознания*, Т. 3, 2002, С. 8–29.
- Князев, Ю. П. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. Языки славянских культур, 2007.
- Маслов, Ю. С. *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*. Языки славянской культуры, 2004.
- Оз, Амос. *Сумхи. Пантера в подвале*. Перевод Виктор Радуцкий, 2П, 2015.
- Шаламов, Варлам. *Собрание сочинений. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты*. Книжный Клуб Книговек, 2013. Первоначально опубликован в 1954.